

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И АДАПТАЦИЯ К РИСКУ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ В СИТУАЦИИ КОНКРЕТНОГО РИСКА)

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14–03–00139.

Мозговая Алла Викторовна – кандидат философских наук,
заведующий сектором проблем риска и катастроф
Института социологии РАН.
Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: mozgovai@isras.ru
Тел.: +7 (499) 128 76 51

Шлыкова Елена Викторовна – кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.
Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: shlykova70@yandex.ru
Тел.: +7 (499) 128 76 51

Аннотация. В статье изучается взаимосвязь социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал социальных субъектов, находящихся в ситуации конкретного риска, и выбора стратегии и способов адаптации к повседневным рискам. Авторы вводят расширенное социологическое представление о понятии «адаптация к повседневным рискам» через обоснование его взаимосвязи с основными понятиями социологии риска и адаптаций. На основе анализа научной литературы осуществлена классификация адаптационных стратегий и способов адаптации к повседневным рискам. Авторами предложен новый вариант эмпирической интерпретации и операционализации «социальных ресурсов» и показана продуктивность его использования в эмпирическом социологическом исследовании. В статье анализируются результаты социологического исследования, проведённого в конце 2013 г. в одном из российских регионов, находящегося в ситуации конкретного риска. На основе анализа эмпирических данных выявлены группы, различающиеся по стратегиям адаптации, и осуществлён их сравнительный анализ по особенностям актуализации социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал.

Авторы делают вывод о том, что в общности, находящейся в ситуации конкретного риска, основными факторами успешной адаптации к риску (или достижения определённого статуса безопасности) являются снижение риска до социально приемлемого уровня и развитие адаптационного потенциала субъектов за счёт роста доверия государственным, властным структурам и другим принимающим решения в отношении риска субъектам среды.

Ключевые слова: социология риска, риск, безопасность, адаптация к риску, стратегии и способы адаптации, социальные ресурсы.

Постановка исследовательской задачи

Одним из важнейших признаков современного общества методологи социологии риска считают трансформацию привычных сред обитания в рискогенные: риски повседневности напрямую угрожают тем средам, в которых социальные субъекты чувствовали себя в безопасности из поколения в поколение [Яницкий, 2003].

В рискогенных средах под воздействием рисков, навязываемых средой, изменяется содержание адаптационных процессов: в условиях, когда изменения среды не связаны с воздействием повседневных рисков, процесс адаптации направлен на *избежание* неопределённости, неблагоприятных событий; в условиях рискогенной среды адаптационный процесс направлен на достижение устойчивого «*существования*» с риском, то есть социальные субъекты (общности) *вынуждены адаптироваться* к рискам.

Анализ современной как отечественной, так и зарубежной научной литературы показывает, что до недавнего времени изучение факторов, способствующих и препятствующих успешной адаптации к рискам, осуществлялось в основном в смежных с социологией дисциплинах: социальной психологии, экономике, риск-менеджменте, экологии человека и медицине катастроф.

Психологический подход к изучению адаптации к риску направлен на выявление взаимосвязей социально-психологической адаптации и личностных установок на риск. Исследуется, например, влияние склонности и готовности индивидов к риску на адаптацию к условиям, связанным с различными профессиональными и бытовыми рисками (пожарные, спасатели, предприниматели, политики, наркоманы, суицидальное поведение и пр.), а также – на принятие риска отдельными индивидами или социальными группами (молодёжь, подростки и пр.).

Предметом исследований экономистов выступают экономические процессы, обеспечивающие адаптацию различных секторов экономики к рискам через поиск оптимальных финансово-экономических механизмов адаптации.

В рамках риск-менеджмента успешность / неуспешность адаптации к рискам рассматривается применительно к различным организациям через процессы принятия и выполнения управленческих решений, направленных на снижение вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизацию возможных потерь, вызванных его реализацией.

В рамках экологии человека и медицины катастроф понятие адаптации к риску соприкасается с понятиями биологической выживаемости и психической целостности: исследуется влияние физиологических и психических факторов на адаптацию к условиям катастроф, бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Незначительное число исследований, посвящённых социальным аспектам адаптации к риску, свидетельствует о зарождающемся научном интересе к этой проблематике как в отечественной, так и зарубежной социологии риска. Так, анализ материалов ежегодных конференций Европейского общества анализа риска (SRA-Europe) за последние несколько лет показывает, что в 2007 г. на конференции был представлен только один доклад, посвящённый адаптации к неблагоприятным климатическим изменениям, а в 2010 г. — уже пять докладов, объединённых в тематический блок «Устойчивость к внешним воздействиям и адаптация» («Resilience and Adaptation»): наряду с адаптацией к изменениям климата рассматривались социальные аспекты адаптации к рискам, связанным с экономическим кризисом, и адаптации населения и властей к угрозам наводнений.

В отечественной социологии, на наш взгляд, существенный вклад в развитие научного знания об адаптации к повседневным рискам внесли следующие идеи. Трансформация привычных сред обитания в рискогенные [Яницкий, 2003] приводит к тому, что социальные субъекты лишены «навыков действия в навязанных внешней средой ситуациях риска...», поэтому они «неадекватны социальному контексту... и вряд ли смогут выбрать эффективную стратегию выживания в обществе риска» [Зубок, 2007: 174]. Следовательно, в обществе возрастает число рисков, навязываемых средой, которые требуют новых способов адаптации и изменяют содержание адаптационных процессов во всех сферах жизнедеятельности.

В настоящее время отечественными социологами предпринимаются попытки построения объяснительных моделей адаптации к отдельным рискам. Так, на примере адаптации российского общества к природно-антропогенным рискам показано, что специфика культурной модели адаптации к рискам, присущая тому или иному обществу, зависит от его принадлежности к исходной — западной или восточной институциональной матрице [Гребенюк, 2004]. В рамках исследования адаптации российской молодёжи к социальным рискам установлено, что способом социокультурной адаптации молодёжи к рискам в области социально-экономического, политического и культурного развития общества выступают рискованные действия. При этом подобный механизм адаптации способствует воспроизводству в российском обществе социальных рисков [Гедуева, 2007]. На примере трудовой адаптации этнических мигрантов к условиям социальных рисков показано, что успех / неуспех адаптации зависит от качественной характеристики социальных рисков [Бедрик, 2007]. В исследованиях сектора проблем риска и катастроф ИС РАН, в котором работают авторы статьи, на примере мигрантов и принимающего населения показано, что достижение приемлемого

уровня риска выступает основным фактором успешной адаптации как для мигрантов, так и принимающего населения [Шлыкова, 2011]. В рамках исследования специфики адаптации молодежи к условиям монопромышленного города с вредным производством авторами установлено, что основной стратегией выступает защитная адаптационная стратегия, направленная на самосохранение, приверженность традиционным жизненным ценностям и выход из рискогенной среды путём миграции [Мозговая, Шлыкова, Курочкина, 2011].

В целом социологический подход к адаптации к риску направлен на поиск эффективных способов действия в ситуациях повседневных рисков, навязанных средой, и стратегий достижения определённого статуса безопасности в обществе риска.

Анализ основных направлений исследований адаптации к риску в мировой науке и современного состояния исследований по данной проблематике позволяет обосновать необходимость расширения социологического научного знания о факторах, способствующих и препятствующих успешной адаптации к повседневным рискам, навязываемым средой.

Опираясь на выводы коллег, изучающих адаптацию [Козырева, 2004; Корель, 2005], можно утверждать, что успешность / неуспешность адаптации существенным образом зависит от наличия / отсутствия, а также актуализации в процессе адаптации тех или иных социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал субъектов адаптации, а социальные субъекты различаются по «набору» этих социальных ресурсов.

В данной статье исследуется взаимосвязь социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал социальных субъектов, находящихся в ситуации конкретного риска, и выбора стратегии и способов адаптации к повседневным рискам. Анализ произведён на базе данных исследования, осуществлённого в конце 2013 г. при методическом сопровождении сектора проблем риска и катастроф ИС РАН. Прежде чем переходить к основной части анализа, необходимо уточнить некоторые понятия и положения, на основе которых далее осуществляется интерпретация эмпирических данных.

Определение основных понятий

Особенности процесса адаптации
к навязываемым средой повседневным рискам

В широком смысле под адаптацией мы понимаем «процесс поведенческого и субъективного освоения меняющейся действительности» [Готлиб, 2000: 9], «посредством которого достигается состояние

гармонии между индивидом и средой» [Козырева, 2004: 9]. В условиях, когда изменения среды не связаны с воздействием повседневных рисков, процесс адаптации направлен на избежание неопределённости, неблагоприятных событий, жизненных сложностей.

Адаптация к изменениям среды, вызванным факторами риска, с точки зрения социологии риска имеет ряд особенностей. Изменения среды под воздействием повседневных рисков вынуждают субъектов адаптироваться к новым, необычным для них условиям, в которых возможно изменение привычного образа поведения, стратегий и способов адаптации [Как люди делают..., 2010]. Накапливание негативных жизненных обстоятельств под воздействием повседневных рисков, объективно нарушающих жизнедеятельность социальных субъектов, приводит к «трудной жизненной ситуации», тождественной понятию *ситуации* социальной эксклюзии [Щебланова, 2010: 8]. По утверждению О. Н. Яницкого, «в каждом человеческом сообществе формируется порог восприятия, когда потенциальный риск начинает восприниматься как реальная угроза» [Яницкий, 2011: 416], что вызывает *состояние* социальной эксклюзии, определяющееся «индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией» [Бородкин, 2000: 6].

Из вышесказанного следует, что процесс адаптации к повседневному риску, навязываемому средой, «запускается» тогда, когда в рамках одной социальной общности среда характеризуется наличием источника неблагоприятного воздействия, а субъекты — объективной или субъективно воспринимаемой уязвимостью (незащищённостью) от этого неблагоприятного воздействия.

Как правило, адаптация к риску происходит постфактум и сводится к смягчению последствий неблагоприятного воздействия. Однако увеличение количества рисков, навязываемых средой, их разнообразие и широкое распространение повышает уровень уязвимости индивидов и социальных субъектов. Для успешной адаптации стратегия реагирования (смягчение последствий риска) оказывается недостаточной, при этом необходимой становится стратегия предвосхищения (развитие адаптационного потенциала). *Адаптация к повседневным рискам*, в нашем понимании, представляет собой процесс, направленный на развитие способности справляться с неизбежными ущербами, то есть развитие адаптационного потенциала как индивида, так и социальной общности.

Понятие адаптационного потенциала

Адаптационный потенциал представляет собой совокупность ресурсов, которыми обладает субъект адаптации в скрытом виде и которые актуализируются в ходе адаптации. В современной научной литературе представлен целый ряд классификаций социальных и индивидуально-личностных ресурсов. Наиболее продуктивными представляются предложенные В. А. Ядовым «элементарные

составляющие социального ресурса индивидов» как критерии социального расслоения. Определённая комбинация таких элементов может рассматриваться как адаптационный потенциал.

1. «Стартовый капитал» социального происхождения и первичной социализации.
2. Возраст – естественный ресурс личности.
3. Состояние здоровья.
4. Образование, квалификация.
5. Активное владение иностранными языками – дополнительный ресурс служебного статуса и трансстрановой мобильности.
6. Уровень материального благосостояния.
7. Проживание в мегаполисе или крупном городе в отличие от «глубинки», сельской местности и монопромышленного города.
8. Наличие обширной цепи межличностных взаимосвязей.
9. Гендерная принадлежность.
10. Эмерджентные ресурсы (в зависимости от конкретных условий) – национальная и религиозная принадлежность.
11. Высокая личностная самооценка, неприятие позиции страдальца.
12. Готовность к риску.
13. Способность к адаптации, планирование своей жизни на значительный срок, уверенность в возможности контролировать собственную жизненную среду [Ядов, 2001: 314–317].

Представленный Л. В. Корель перечень социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал, пересекается с «элементарными составляющими социального ресурса индивидов» В. А. Ядова и дополняет его следующими ресурсами: ценностно-нормативная структура; семейный и брачный статус; миграционная биография; социально-психологические характеристики; включённость в определённую социальную сеть [Корель, 2005: 306–307]. П. М. Козырева указывает на ещё один социальный ресурс – индикатор адаптации – социальное доверие [Козырева, 2011].

Обобщив представленные выше имеющиеся типологии и собственный исследовательский опыт, была осуществлена авторская интерпретация и операционализация социальных ресурсов, на базе которой далее произведён анализ эмпирических данных. Результаты обобщения представлены в таблице 1.

Таблица 1

Типология, интерпретация и эмпирическая операционализация понятия «социальные ресурсы»

Типы социальных ресурсов	Интерпретация	Операционализация
«Естественные ресурсы»	Социально-демографические характеристики	Пол, возраст, образование, брачное состояние, наличие детей / внуков, тип поселения, занятость и квалификация
«Миграционная биография»	Особенность места рождения и миграционные намерения	Коренной житель – приезжий, планирование переезда в другое место жительства
«Способность к адаптации»	Планирование своей жизни на значительный срок, уверенность в возможности контролировать собственную жизнь	Наличие жизненных целей и степень их осуществления, особенности планирования жизни, стандарты поведения при решении собственных проблем
«Включённость в определённую социальную сеть»	Характер и объём связей, контактов и взаимодействий с социальной средой при определённом уровне доверия субъектам этой среды	Круг общения, частота общения, надёжность круга общения, доверие субъектам социальной среды
«Готовность к риску»	Субъективное решение в ситуации риска	Принятие / непринятие жизни в условиях риска (возможности ущерба здоровью, имуществу, окружающей среде)
«Социальное самочувствие»	Комплексная самооценка степени комфортности в среде	Удовлетворённость жизненными условиями, социальная защищённость
Социально-психологические, мировоззренческие и поведенческие особенности	Социально-психологические характеристики	Склад характера, самосохранительное поведение
	Мировоззренческие особенности	Толерантные установки, опыт пережитых травм, заинтересованность в социально-политической информации и самооценка социально-политической грамотности
	Социальная активность	Мотивация на активные действия, наличие практики активных действий, желание / факт участия в общественных движениях, предпринимательской деятельности

Классификация адаптационных стратегий и способов адаптации к повседневным рискам

Адаптационный потенциал реализуется через способы адаптации – «конкретные социальные действия, поведение, поступки в нестандартных ситуациях» [Козырева, 2011: 7] и выражается в выборе адаптационной стратегии. В самом общем понимании существует две стратегии адаптации – активная и пассивная [Козырева, 2004: 19]. Активная стратегия адаптации предполагает стремление субъекта изменить среду, пассивная – следовать жизненным обстоятельствам.

Адаптация к риску, навязываемому средой, представляет собой *вынужденную адаптацию*, так как возникает в средах, жёстко диктующих свои условия субъекту адаптации, и ему приходится выстраивать своё поведение в незнакомой и враждебной среде.

Выделяются, по крайней мере, два вида вынужденных адаптаций: *псевдоактуальные* и *защитные*. В процессе псевдоактуальной адаптации субъект «внутренне сопротивляясь давлению среды, испытывая “несогласие” с ней, всё же уступает её новым требованиям, подвергая необходимой корректировке свои жизненные ориентиры, ценности и стандарты поведения» [Корель, 2005: 139]. Защитные адаптации «направлены на самосохранение адаптанта – поддержание всеми возможными способами (но с разным успехом) status quo и связаны с непременным изменением способов взаимодействия со средой при сохранении в целом старых, традиционных целей и ценностей» [Корель, 2005: 139].

Псевдоактуальная адаптация к риску основывается на пассивной адаптационной стратегии, предполагающей принятие риска либо в надежде на то, что ситуация разрешится сама собой, либо вследствие неверия в возможность разрешения проблемы в принципе («терплю / смиряюсь»). Защитная адаптация к риску строится на базе активной адаптационной стратегии и предполагает либо борьбу за снижение / редуцирование риска, либо выход из опасной среды («борюсь / устраняюсь») [Мозговая, Шлыкова, Курочкина, 2011].

Далее, основываясь на обозначенных положениях и понятиях, перейдём к поиску наличия и специфики взаимосвязи социальных ресурсов и стратегий адаптации в социальной общности, находящейся под воздействием конкретного риска.

Особенности актуализации социальных ресурсов при выборе стратегии адаптации к риску

Описание ситуации риска

По решению Правительства РФ в одном из регионов России запланировано строительство рудодобывающих шахт, обогатительного комбината, хранилища отходов. Планируемые к разработке рудопроявления известны давно, однако в советский период было решено их не разрабатывать в силу сложности залегающих, аграрного профиля региона и непосредственной близости охраняемых природных объектов.

Авторы статьи принимали участие в работе группы экспертов¹ по проведению комплексной оценки целесообразности и возможных последствий планируемых разработок. Выводы экспертов – специалистов разных научных областей – свидетельствуют о том, что реализация проекта по разработке месторождений связана с целым рядом серьёзных экологических, экономических, социальных рисков. По оценкам экологов, гидрогеологов, биологов вследствие развития горнодобывающего производства возможно падение грунтовых вод, осушение пойм рек, перенос загрязняющих веществ, что неизбежно приведёт к нарушению условий обитания в охраняемых природных комплексах и их разрушению. Экономисты утверждают, что разработка рудопроявлений может привести к выводу элитных чернозёмов и сокращению вовлечённых в аграрный оборот сельскохозяйственных земель. Реализация проекта в регионе связана и с серьёзными социальными последствиями: во-первых, неизбежна деградация окружающей среды; во-вторых, существует реальная угроза здоровью населения; в-третьих, переуплотнение аграрного региона может привести к снижению уровня жизни, так как сельское хозяйство является главным источником средств существования населения.

В регионе действует несколько общественных экологических организаций и движений, под эгидой которых на протяжении почти трёх лет проходят многотысячные митинги, пикеты и другие акции протеста против разработок месторождений. В протестное движение вовлечены активисты из числа населения данного региона, а также целого ряда пограничных областей. В настоящее время на месторождениях начаты геологоразведочные работы, что усилило протестное движение.

С точки зрения социологии риска, социальная общность, проживающая в регионе, представляет собой социальный субъект в ситуации конкретного риска – потенциальной возможности нанесения ему (субъекту) тех или иных ущербов в связи с наличием источника неблагоприятного воздействия (разработки рудопроявлений). Устойчивые протестные настроения в регионе свидетельствуют

¹ По условиям участия в данной работе авторы имеют право осуществлять научную оценку имеющейся у нас информации, не называя регион и участников событий.

о восприятии населением ситуации как реального риска и указывают на недостаточную защищённость (уязвимость) социальной общности от этого воздействия. В целом общность может характеризоваться состоянием социальной эксклюзии, обусловленной наличием конкретного риска. Поскольку решение о разработке месторождений принималось без учёта мнения населения, риск для рассматриваемой социальной общности является навязанным, а новые непривычные условия, характеризующие ситуацию, требуют вынужденной адаптации.

Основная гипотеза, на проверку которой направлен анализ данных, состоит в предположении о том, что в рассматриваемой социальной общности существуют группы, различающиеся по стратегиям и соответствующим им способам адаптации; особенности стратегий и способов адаптации связаны с определённой комбинацией социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал и актуализированных в ситуации конкретного риска.

Проверка гипотезы осуществлена на основе анализа данных социологического исследования, проведённого при методическом обеспечении авторов статьи (разработка анкеты, расчёт выборки, создание базы данных) в рассматриваемой социальной общности в конце 2013 г.

Описание исследования и выборки

Формировалась многоступенчатая репрезентативная квотная выборка. Основой послужили сведения о генеральной совокупности, взятые по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2012 г., конкретно — база данных показателей муниципальных образований. Квотирование осуществлялось по следующим признакам: тип поселения (город или село), пол, возраст.

На первой ступени формирования выборочной совокупности из общего количества жителей обследованного района было вычтено количество жителей в возрасте 0–17 лет. Таким образом, генеральная совокупность (основа выборки) составила 33636 человек; из них 14981 человек проживают в населённых пунктах городского типа (45%) и 18655 человек — в населённых пунктах сельского типа (55%). На второй ступени формирования выборочной совокупности было определено количество и доля (в %) мужчин и женщин в общем количестве городского и сельского населения. На третьей ступени обсчитывалась доля (в %) каждой из 12-ти возрастных групп из перечня базы госстата отдельно для мужчин и женщин как городских поселений, так и сельских. На четвёртой ступени формирования выборочной совокупности по данным переписи 2010 г. была произведена группировка внутри населённых пунктов городского типа и населённых пунктов сельско-

го типа по признаку численности проживающих. На пятой ступени, исходя из ранее определённого статистически необходимого и достаточного количества наблюдений (400) был произведён обсчёт квот – численности респондентов, соответствующей доли в генеральной совокупности. Базу составляют 394 анкеты.

Описание целевых групп

Как отмечалось выше, для проверки гипотезы были выделены целевые группы по следующим критериям. На основании ответов на вопрос о предпочитаемых способах поведения в ситуации возможного ущерба (риска) здоровью, имуществу, окружающей среде массив опрошенных был разделён на группы по двум признакам: выбор активных действий / бездействие и принятие / непринятие жизни в условиях риска. По этим признакам массив распределился следующим образом: 44% опрошенных осознанно принимают жизнь в условиях риска, так как надеются, что ситуация разрешится сама собой; 5% принимают риск, так как не верят в возможность разрешения ситуации. Различаясь по мотивам принятия риска, в целом эти респонденты составляют группу *псевдоактуальных* адаптантов, характеризующихся *пассивной адаптационной стратегией*. Не принимают жизнь в условиях риска и будут активно протестовать 25% опрошенных; переселятся в другое место 9%. Различаясь по способам адаптации, в целом эти респонденты составляют группу *защитных* адаптантов, характеризующихся *активной адаптационной стратегией*. 17% составляют те, кто, внутренне не принимая жизнь в условиях риска, смиряется с ситуацией. Эти респонденты демонстрируют амбивалентные характеристики: по признаку принятия / непринятия риска их можно отнести к группе *защитной адаптации*, однако по способу адаптации они относятся к *псевдоактуальным адаптантам* и характеризуются *пассивной адаптационной стратегией*. Условно эту группу можно назвать «неопределившиеся». Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение массива опрошенных по стратегиям адаптации в ситуации риска

Стратегии адаптации	Количество в массиве, чел.	Доля в массиве, %
Пассивная (псевдоактуальная адаптация)	194	49
Активная (защитная адаптация)	134	34
«Неопределившиеся»	66	17
Итого	394	100

Предварительный сравнительный анализ показал, что группа «неопределившихся» по ряду признаков имеет сходство с группой «активных» адаптантов, по другим признакам – с «пассивными» адаптантами. Безусловно, анализ групповых особенностей «неопределившихся» представляет научный интерес, так как при определённых условиях они могут пополнить как группу «псевдоактуальных»

адаптантов, так и «защитных». Однако эта задача требует специального исследования и находится за рамками целей данной статьи. Для проверки выдвинутой выше гипотезы требуется сравнить «чистые» группы. К сожалению, специфика полученных данных не позволяет осуществить сравнительный анализ групп, различающихся по способам адаптации, так как группы тех, кто не верит в возможность разрешения ситуации и предполагающих переехать в другие места, оказались малонаполненными для грамотного статистического анализа. В рамках статьи мы вынуждены ограничиться сравнительным анализом двух групп, различающихся по адаптационным стратегиям: «пассивные адаптанты» (194 человека, 49%) и «активные адаптанты» (134 человека, 34%). Сравнение произведено по типам социальных ресурсов, а выявленные различия указывают на особенности актуализации тех или иных социальных ресурсов, составляющих адаптационный потенциал в группах «пассивных» и «активных» адаптантов в процессе адаптации к ситуации конкретного риска.

Результаты анализа

Особенности «естественных ресурсов» респондентов, придерживающихся различных стратегий адаптации к риску. Следует напомнить, что «естественные ресурсы» интерпретируются через социально-демографические характеристики. Несвязанными с выбором стратегии адаптации к риску оказались такие «естественные ресурсы» как тип поселения (городские – сельские поселения), брачное состояние и наличие детей.

В группе активных адаптантов, по сравнению с пассивными, выше доля мужчин (49% против 40%), респондентов с высшим образованием (47% против 34%). С увеличением возраста доля пассивных адаптантов растёт, активных – снижается. С выбором стратегии адаптации соотносится занятость (наличие работы), не соотносится – квалификация. Среди активных адаптантов доля работающих выше (77% против 58%), по уровню квалификации различия между активными и пассивными адаптантами не выявлены.

«Миграционная биография» активных и пассивных адаптантов. Этот блок социальных ресурсов интерпретируется через факт рождения в данной местности (коренной житель – приезжий) и миграционные намерения. Анализ показал, что «миграционная биография» связана с выбором стратегии адаптации к риску: среди активных адаптантов, по сравнению с пассивными, выше доля некоренных жителей (36% против 28%) и ниже доля не имеющих намерений сменить место жительства (81% против 94%).

«Способность к адаптации» и выбор адаптационной стратегии. «Способность к адаптации» эмпирически интерпретирована через планирование жизни на значительный срок и уверенность в возможности контролировать собственную жизнь.

Абсолютное большинство (порядка 91%) как активных, так и пассивных адаптантов указывают на наличие у них главных жизненных целей. Однако значимые различия наблюдаются в оценках осуществлённости этих целей. Придерживающиеся пассивной стратегии чаще отмечают, что их жизненные цели уже достигнуты (45% против 20% в группе активных). Активные адаптанты в большей степени находятся на пути достижения жизненных целей (70% против 48% в группе пассивных). Планировать свою жизнь на краткосрочную (день) и долгосрочную (год и более) перспективу респонденты из обеих рассматриваемых групп способны в равной степени. А в среднесрочной перспективе (месяц) респонденты, придерживающиеся активной стратегии, планируют свою жизнь значительно чаще по сравнению с группой пассивных (62% против 48%).

Возможность контролировать собственную жизнь можно рассматривать через особенности подходов к решению собственных проблем (см. рис. 1).

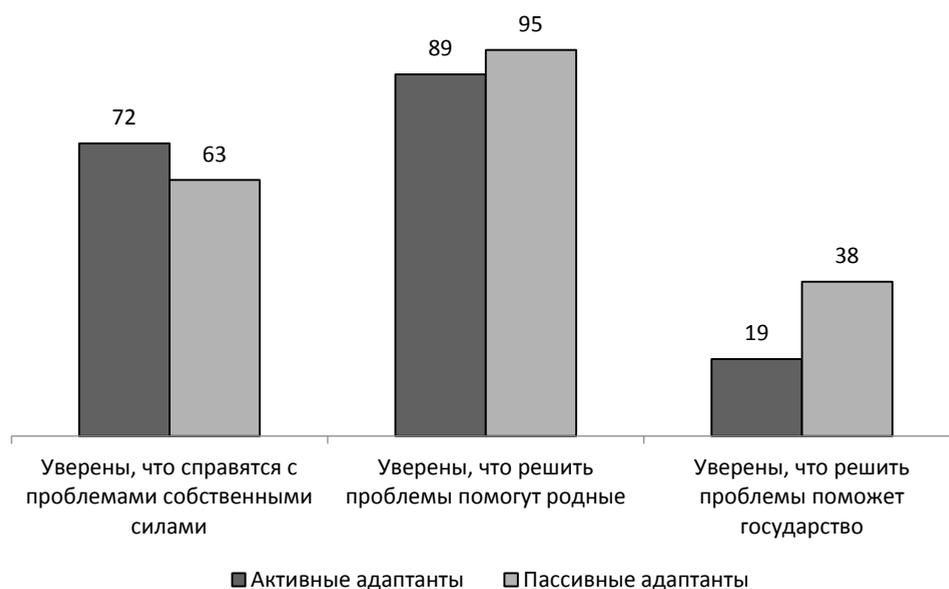

Рис. 1. Подходы к решению собственных проблем
(% ответивших «Да» в каждой группе)

Как показывает анализ данных, в решении своих проблем активные адаптанты больше пассивных рассчитывают на собственные силы. Придерживающиеся пассивной стратегии адаптации при решении собственных проблем больше рассчитывают на внешнюю помощь, в частности – на помощь государства.

Таким образом, «способность к адаптации» как социальный ресурс связана с выбором стратегии адаптации в ситуации риска: придерживающиеся активной стратегии способны планировать жизнь на более отдалённую перспективу и больше контролируют собственную жизнь.

«Включённость в определённую социальную сеть». «Включённость в определённую социальную сеть» мы интерпретируем через характер и объём связей, контактов и взаимодействий с социальной средой при определённом уровне доверия различным субъектам этой среды. Базируясь на выводах коллег, включённость в определённую социальную сеть можно считать развитым социальным ресурсом в том случае, если субъект находится в разветвлённой системе надёжных родственно-дружеских контактов, удовлетворён возможностями общения и уверен в поддержке близких в случае необходимости, характеризуется состоянием психологического комфорта без ощущения одиночества [Влияние социального..., 2006].

Большинство как активных, так и пассивных адаптантов характеризуются постоянно поддерживаемыми связями с ближайшим окружением. Респонденты из обеих групп указывают, что постоянно общаются лично, по телефону или скайпу с ближайшими родственниками, коллегами по работе (учёбе), друзьями, соседями, партнёрами по хобби и совместному досугу. Между группами активных и пассивных адаптантов выявлено существенное различие в частоте общения с друзьями: постоянно общаются с друзьями 68% придерживающихся активной адаптационной стратегии и 53% – пассивной. Вместе с тем, самую высокую оценку удовлетворённости общением с друзьями по пятибалльной шкале выбирают 42% активных и 31% пассивных адаптантов.

Как отмечалось выше (см. рис. 1), подавляющее большинство респондентов из обеих групп уверены, что в случае необходимости родственники помогут им справиться с возникшими проблемами. Удовлетворены в той или иной степени общением с родственниками порядка 85% в каждой из рассматриваемых групп.

Полностью защищёнными от одиночества ощущают себя 29% активных адаптантов и 22% – пассивных. Ниже в таблице 3 представлено распределение в рассматриваемых группах высоких оценок доверия различным социальным субъектам в кризисных ситуациях, когда люди нуждаются в помощи, защите прав, свобод, здоровья, жизни.

Между группами активных и пассивных адаптантов различия в уровне доверия субъектам из ближайшего окружения (друзья, семья, родственники) не наблюдаются. Активные адаптанты характеризуются более низким уровнем доверия в сложных жизненных ситуациях в отношении отдалённого окружения – представителям властных структур, государственных организаций и институтов, церкви.

Таблица 3

**Высокие оценки доверия социальным субъектам
в группах активных и пассивных адаптантов
(% выбравших позицию «Полностью доверяю» в каждой группе)**

Субъекты социальной среды	Активные адаптанты	Пассивные адаптанты
Представители муниципальной власти	37	58
Представители областной власти	19	38
Суды	22	38
Полиция	16	22
Учреждения здравоохранения	18	22
Армия	36	67
Церковь	41	57
Органы соцзащиты	18	33
Друзья	58	63
Семья, родные	96	98

В целом респонденты, придерживающиеся активной стратегии адаптации к риску, характеризуются более развитыми межличностными связями, основанными на частом общении с друзьями, удовлетворённости этим общением и более высоком уровне защищённости от одиночества. Более низкий, по сравнению с пассивными адаптантами, уровень доверия к отдалённому окружению позволяет предположить, что активные адаптанты в сложных жизненных ситуациях «замыкаются» на себя и ближайший круг общения, предпочитая решать собственные проблемы самостоятельно или при поддержке родственников. Пассивные адаптанты, как уже отмечалось, рассчитывают на помощь не только родственников, но и государства, что, безусловно, связано с более высоким уровнем их доверия представителям власти и государственных структур и организаций.

Таким образом, для активных адаптантов система значимых связей, которые могут быть использованы для наиболее эффективного решения сложных жизненных проблем, ограничивается ближайшим окружением, для пассивных адаптантов – расширяется в сторону отдалённого окружения, субъектов власти, социальных институтов.

«Готовность к риску» активных и пассивных адаптантов. «Готовность к риску» авторы интерпретируют как индивидуальное решение о принятии или непринятии жизни в условиях риска (вероятности ущерба здоровью, имуществу, окружающей среде и пр.). Опыт многолетних исследований показывает, что на принятие / непринятие риска влияет общий показатель отношения к риску, складывающийся из целого ряда апробированных авторами в других исследованиях эмпирических индикаторов. В данной статье сформулирована объяснительная модель различий в готовности к риску респондентов, различающихся по вы-

бору адаптационной стратегии, на основе следующих индикаторов отношения к риску: субъективное ощущение опасности среды; отношение к приемлемости промышленных рисков и способам её достижения; отношение к ответственности лиц, принимающих решения по управлению рисками.

Субъективное ощущение опасности среды в группах активных и пассивных адаптантов имеет ряд сходств. Угрозу потери имущества и собственности ощущают 10% респондентов в каждой группе; ухудшение, утрату здоровья – 44%; ощущают стресс, потерю контроля над жизненной ситуацией – 16%. Наблюдаемые значимые различия в субъективных ощущениях опасности среды представлены на рис. 2.

Рис. 2. Различия субъективных ощущений опасности среды в группах активных и пассивных адаптантов (% ответивших «Да, ощущаю» в каждой группе)

Результаты анализа данных показывают, что респонденты, придерживающиеся активной стратегии адаптации, воспринимают среду существенно более опасной по сравнению с пассивными адаптантами. Полагаем, что с этим связан выбор активной стратегии и способов адаптации к риску, основанный на стремлении изменить способы взаимодействия со средой (активно противодействовать риску или сменить место жительства). «Набор» угрожающих факторов, по которым выявлены различия, указывает на желание активных адаптантов максимально сохранить собственный status quo в основных сферах жизнеобеспечения. С точки зрения социологии риска, процесс адаптации активных адаптантов направлен на достижение определённого статуса безопасности в среде, характеризующейся наличием риска.

Наиболее адекватным отражением понятия безопасности для рискогенных сред выступает приемлемый риск как показатель определённого уровня защищённости субъектов от вредного воздействия среды, так как в «обществе риска» достижение абсолютной безопасности невозможно. Поддержание идеи приемлемого риска, на наш взгляд, является ключевым шагом на пути к определённому статусу безопасности в рискогенной среде, а достижение приемлемого риска – фактором успешной адаптации в ситуации конкретного риска.

Соглашаются с тем, что обеспечить абсолютную безопасность промышленности невозможно и нужно стремиться к максимально приемлемому риску 76% пассивных адаптантов и только 52% активных. Наблюдаются и некоторые значимые различия в отношении респондентов из рассматриваемых групп к субъектам среды, ответственным за принятие решений, связанных с риском. Так, в обеспечении приемлемого риска готовы довериться местным властям 73% пассивных адаптантов и 49% активных, федеральным властям – 47 и 33% соответственно. Важно подчеркнуть, что отношение к другим субъектам среды, ответственным за принятие решений, связанных с риском (предприятия, эксперты), в рассматриваемых группах примерно одинаково. Утверждают, что принимая решения, связанные с риском для здоровья населения и среды обитания, власти не учитывают интересы населения 31% активных адаптантов и только 13% пассивных. Полагают, что политика властей в отношении производственных и добывающих предприятий не ориентирована на интересы будущих поколений 23% активных и 5% пассивных адаптантов. Возможно, именно по этим причинам почти четверть активных адаптантов (22%) полагают, что для обеспечения приемлемого риска следует «ничего не производить и ничего не добывать» (против 7% согласных с этим суждением в группе пассивных).

Таким образом, принятие / непринятие риска, на котором базируется выбор адаптационной стратегии в ситуации риска, связан с оценкой опасности среды, отношением к приемлемому риску и субъектам, принимающим решения. Респонденты, выбирающие активную стратегию адаптации к риску, не готовы принять риск; они в большей степени, чем пассивные адаптанты, ощущают опасность среды и не доверяют субъектам, принимающим решения, связанные с риском для здоровья населения и окружающей среды.

«Социальное самочувствие» активных и пассивных адаптантов. «Социальное самочувствие» интерпретируется в статье в самом широком смысле как комплексный показатель состояния комфортности в среде, операционализируется через неоднократно апробированные в других исследованиях самооценки удовлетворённости жизненными условиями (18 условий) и защищённости от неприятных событий (23 события).

Между группами активных и пассивных адаптантов не обнаружены различия в уровне удовлетворённости ситуацией на работе, возможностью проведения досуга, отдыхом в период отпуска, отношениями в семье, своим положением в обществе, ситуацией в стране в целом. В таблице 4 представлены жизненные условия, в оценке удовлетворённости которыми наблюдаются существенные различия между рассматриваемыми группами респондентов.

Таблица 4

**Высокие оценки удовлетворённости жизненными условиями
в группах активных и пассивных адаптантов
(% выбравших оценки 4 и 5 по пятибалльной шкале удовлетворённости в каждой группе)**

Жизненные условия	Активные адаптанты	Пассивные адаптанты
Материальная обеспеченность	29	41
Питание	56	66
Состояние здоровья	42	59
Медицинское обслуживание	22	36
Жилищные условия	62	80
Работа коммунальных служб	35	44
Работа полиции	23	39
Общение с друзьями	81	73
Получение необходимого образования и знаний	52	70
То, как складывается жизнь в целом	58	68

Активные адаптанты, в сравнении с пассивными, демонстрируют значительно более низкий уровень удовлетворённости большинством жизненных условий, «отвечающих» за повседневный комфорт в быту, в том числе, связанных с работой государственных служб. Как уже отмечалось выше, исключение составляет удовлетворённость общением с друзьями: этой стороной собственной жизни активные адаптанты удовлетворены больше пассивных.

Уровень защищённости от неприятных событий¹ оказался несвязанным с выбором стратегии адаптации к риску: в оценках защищённости существенные различия между рассматриваемыми группами респондентов не наблюдаются.

Таким образом, выбор стратегии адаптации связан с уровнем удовлетворённости условиями жизни, обеспечивающими комфорт в быту.

Социально-психологические, мировоззренческие и поведенческие особенности активных и пассивных адаптантов. К этому блоку социальных ресурсов мы отнесли ряд социально-психологических, мировоззренческих и поведенческих характеристик. По складу характера порядка 42% респондентов в каждой рассматриваемой группе относят себя к спокойным, выдержанным людям, которые,

¹ Уровень защищённости измерялся в отношении следующих неприятных событий: неприятности в профессиональной деятельности, работе; ограбление квартиры; нападение хулиганов; действия организованной преступности; экологическое бедствие; дискриминация по признаку пола, возраста; преследования по национальному признаку; преследования за религиозные убеждения; преследования за политические взгляды; бедность и бездомность; одиночество; ощущение, что жизнь зашла в тупик; безработица; отказ в бесплатной медицинской помощи; аварии на общественном транспорте, железной дороге, автодороге; инфекционные заболевания; радиационное облучение; отравление вредными веществами в продуктах; воздействие вредных веществ, содержащихся в стройматериалах; отравление вредными веществами, сбрасываемыми в воду, воздух; неправильный диагноз и лечение; военные или иные действия с последующим переселением; действия террористов.

тем не менее, своего добьются. В группе активных адаптантов больше тех, кто по характеру относит себя к активным (49% против 40%), в группе пассивных больше тех, кто считает себя спокойными и пассивными (18% против 8%).

По «шкале самосохранительного поведения»¹ различия между активными и пассивными адаптантами не выявлены.

Обнаружены существенные различия между рассматриваемыми группами респондентов по отношению к людям, мировоззрение и религиозные представления которых отличаются от их собственных. В группе активных адаптантов больше тех, кто с пониманием относится к людям с иными религиозными и мировоззренческими представлениями (63% против 51% в другой группе), а в группе пассивных больше тех, кто относится к таким людям безразлично (42% против 25%). Активные адаптанты характеризуются более высоким уровнем толерантности по сравнению с пассивными.

Предыдущие исследования показывают, что важным дифференцирующим социально-психологическим показателем является опыт пережитых травм. Выявленные в результате сравнительного анализа активных и пассивных адаптантов различия представлены в таблице 5.

Таблица 5

Опыт пережитых травм активных и пассивных адаптантов
(% ответивших «Да» в каждой группе)

Пережитые травмы	Активные адаптанты	Пассивные адаптанты
Смерть одного или обоих родителей	52	75
Длительная тяжёлая болезнь близких	51	66
Разрыв родителей	19	10
Тяжёлый физический недуг или психологический стресс	60	68
Утрата собственности	13	38
Потеря сбережений	43	51

Пассивные адаптанты чаще активных переживали тяжёлые психологические травмы, кроме разрыва родителей, который активные адаптанты переживали почти в два раза чаще (19% против 10%). Активные адаптанты больше пассивных интересуются событиями в стране и области (порядка 70% против 55%), по самооценкам социально-политической грамотности различия не наблюдаются.

Полагаем, что важным социальным ресурсом, который может быть связан с выбором активной или пассивной стратегии адаптации, выступает социальная активность. Данное понятие было операционализировано через оценку наличия практики

¹ «Шкала самосохранительного поведения» представляет собой одиннадцатибалльную оценочную шкалу, на которой «0» означает «люди, пренебрегающие здоровьем», «10» — «люди, сконцентрированные на своём здоровье». Выбор респондентом той или иной позиции на этой шкале отражает его отношение к собственному здоровью.

активных действий, желания или факта участия в общественных движениях, предпринимательской деятельности и мотивации на активные действия. Подавляющее большинство респондентов из обеих групп (порядка 97%) не участвуют в работе какой-либо общественной инициативной группы, волонтерского движения, фонда. Однако среди пассивных адаптантов, по сравнению с активными, больше тех, кто не испытывает желания участвовать в подобного рода деятельности (58% против 46%), а также и тех, кто не хочет открыть собственное дело (58% против 45%).

В активных действиях (митинги, пикеты, забастовки, голодовки) в защиту своих прав, свобод, позиций участвовали 25% активных и 12% пассивных адаптантов. Значимые различия между рассматриваемыми группами наблюдаются по ряду мотивов, которые могут побудить к участию в активных действиях в защиту своих интересов, позиций, идеалов (см. рис. 3).

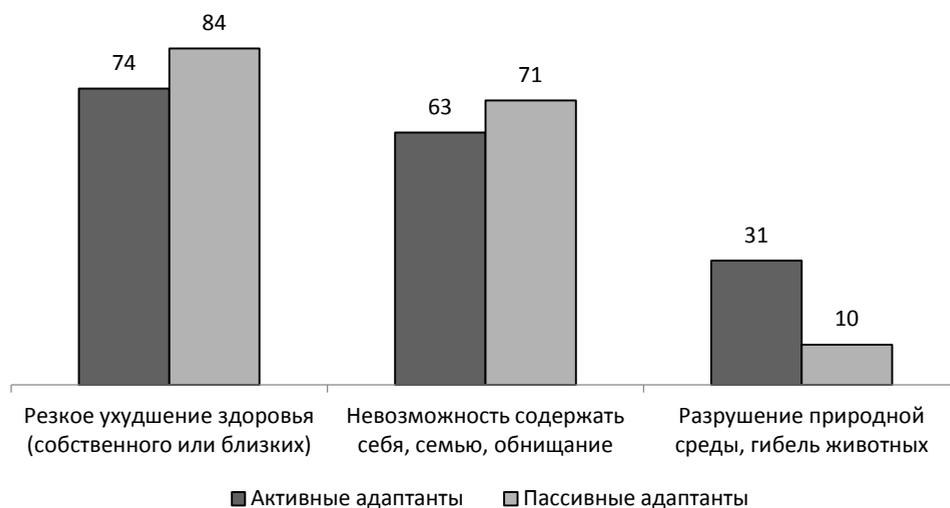

Рис. 3. Мотивы участия активных и пассивных адаптантов в активных действиях в защиту своих интересов, позиций, идеалов (% ответивших «Да» в каждой группе)

Выявленные различия позволяют утверждать, что пассивные адаптанты больше активных готовы действовать по внутрисемейным и личным мотивам. Треть активных адаптантов готовы к активным действиям против разрушения природы и гибели животных.

Таким образом, респонденты, придерживающиеся активной адаптации к риску, характеризуются более высокой активностью как по складу характера, так и по показателю социальной активности более высоким уровнем заинтересованности событиями в стране и толерантности к инакомыслящим. Готовность активных адаптантов предпринимать действия в защиту окружающей среды указывает на то, что они, в отличие от пассивных адаптантов, могут являться опорой протестных движений в регионе, направленных против разработки рудопроявлений.

Резюме

Представленные результаты анализа данных исследования позволяют утверждать, что основная гипотеза о том, что *в рассматриваемой социальной общности существуют, по крайней мере, две группы, различающиеся по стратегиям и соответствующим им способам адаптации – активные и пассивные адаптанты* – подтверждается. Выбор той или иной стратегии адаптации связан с актуализацией определённых социальных ресурсов, входящих в адаптационный потенциал, в ситуации конкретного риска.

Осуществлённый сравнительный анализ групп активных и пассивных адаптантов по специфике актуализации социальных ресурсов позволяет очертить их сравнительный социальный портрет. С увеличением возраста доля пассивных адаптантов постепенно растёт, активных – снижается. Среди активных адаптантов, по сравнению с пассивными, больше мужчин, респондентов с высшим образованием и работающих. Более трети из них имеют «миграционную биографию». Активные адаптанты характеризуются большей способностью к адаптации: они способны контролировать свою жизнь и планировать её на отдалённую перспективу. Придерживающиеся активной стратегии адаптации имеют более развитые межличностные связи и характеризуются более высоким уровнем удовлетворённости общением с друзьями и защищённости от одиночества. Активные адаптанты не готовы жить в условиях риска, что связано с их ощущениями опасности среды и более низким уровнем доверия различным субъектам, принимающим решения. По складу характера адаптанты, выбирающие активную адаптационную стратегию являются более активными, по мировоззренческим характеристикам – более заинтересованными и толерантными. По особенностям актуализации такого социального ресурса как социальная активность, в отличие от пассивных адаптантов, активные могут стать опорой протестных движений в регионе.

Авторы полагают, что в рассматриваемой общности, находящейся в ситуации конкретного риска, основными факторами успешной адаптации к риску (или достижения определённого статуса безопасности) являются снижение риска до социально приемлемого уровня и развитие адаптационного потенциала субъектов за счёт роста доверия государственным, властным структурам и другим принимающим решения в отношении риска субъектам среды. Для получения обоснованных выводов в этом направлении необходимо провести сравнительный анализ связи социальных ресурсов и выбора адаптационной стратегии с контрольной общностью, проживающей в среде без конкретного риска, что и планируется осуществить в следующем году при условии сохранения финансирования проекта РГНФ.

Список литературы

Бедрик А. В. Трудовая адаптация этнических мигрантов в условиях социальных рисков: на примере Ростовской области: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04: Ростов-на-Дону, 2007. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ВЕДА. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/214341.html> (дата обращения: 28.07.2014).

Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5–17.

Влияние социального капитала на формирование и воспроизводство социальных неравенств // Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад. Москва, 2006. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_7_0.html (дата обращения: 18.07.2014).

Гедуева Л. А. Социокультурная адаптация российской молодёжи к социальным рискам в современной России: Автореферат диссертации ... канд. социол. наук: 22.00.04: Краснодар, 2007. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Краснодарского университета МВД РФ. URL: <http://www.krdu-mvd.ru/dissovet1273.html> (дата обращения: 28.07.2014).

Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отделе взятом исследовании // Социология: 4М. 2000. № 12. С. 5–24.

Гребенюк О. В. Культурная обусловленность российской модели адаптации к природно-антропогенным рискам: диссертация ... канд. социол. наук: 22.00.06: Ростов-на-Дону, 2004. [Электронный ресурс] // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/kulturnaja-obuslovlennost-rossijskoj-modeli-adaptacii-k-prirodno-antropogennym.html> (дата обращения: 28.07.2014).

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М.: «Мысль», 2007. — 296 с.

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. — 388 с.

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. — 172 с.

Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. — 320 с.

Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. Новосибирск: Наука, 2005. — 424 с.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В., Курочкина А. Е. Рискогенная городская среда: адаптационный потенциал молодёжи // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 73–90.

Шлыкова Е. В. Безопасность или приемлемый риск как цель адаптации (на примере мигрантов и принимающего населения) // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 59–72.

Щебланова В. В. Динамика рисков современного терроризма. Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т, 2010. — 259 с.

Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расчленения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003. — 192 с.

Яницкий О. Н. Экокатастрофы: к проблеме социальной реабилитации нарушенных экосистем // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. — Вып. 10. М., СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 404–420.

Social Resources and Adaptation to Risk: the Choice of Strategy (by the Example the Social Community in the Situation of Particular Risk)

The article was written with the financial support of the RHF within the scientific project № 14–03–00139.

Mozgovaya Alla Viktorovna

Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of the problems of risk and disasters, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: mozgovai@isras.ru

Shlykova Elena Viktorovna

Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: shlykova70@yandex.ru

Abstract. This paper studies the relationship of social resources, the components of the adaptive capacity of social actors in the situation of a particular risk, and the choice of strategies and ways of adapting to everyday risks. The authors introduce advanced sociological understanding of the concept of “adaptation to everyday risks” through justification of its relationship with the basic concepts of sociology of risk

and adaptation. Based on the analysis of scientific literature, classification of adaptation strategies and ways of adapting to everyday risks is implemented. The authors proposed a new variant of the empirical interpretation and operationalisation of “social resources” and showed the productivity of its use in empirical sociological research.

The paper analyses the results of a sociological survey conducted in 2013 in one of the Russian regions in the situation of a particular risk. Based on the analysis of empirical data, the groups of different adaptation strategies are identified. Using a comparative analysis of features of actualisation of social resources, the components of adaptive capacity are identified.

The authors conclude that the main factors for successful adaptation to the risk (or to achieve a certain status of security) are to reduce the risk to an acceptable level and the development of adaptive capacity at the expense of the growth of trust in public authorities and other decision-makers in the situation of a particular risk.

Keywords: sociology of risk, risk, security, adaptation to risk, strategy and ways of adaptation, social resources.

REFERENCES

Bedrik A. V. Trudovaya adaptatsiya etnicheskikh migrantov v usloviyakh sotsial'nykh riskov: na primere Rostovskoi oblasti [*Labor adaptation of ethnic migrants in conditions of social risks: the example of the Rostov region*]: dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04: Rostov-na-Donu, 2007. [Elektronnyi resurs]. Elektronnyaya biblioteka VEDA. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/214341.html> (data obrashcheniya: 28.07.2014). (In Russ.).

Borodkin F. M. Sotsial'nye ekskluziyi. [*Social exclusion*]. J. Sotsiologicheskii zhurnal. 2000. № 3/4. S. 5–17. (In Russ.).

Vliyaniye sotsial'nogo kapitala na formirovaniye i vosproizvodstvo sotsial'nykh neravenstv. [*Influence of social capital on the formation and reproduction of social inequalities*]. J. Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskome izmerenii. Analiticheskii doklad. Moskva, 2006. [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii RAN. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_7_0.html (data obrashcheniya: 18.07.2014). (In Russ.).

Gedueva L. A. Sotsiokul'turnaia adaptatsiya rossiyskoi molodezhi k sotsial'nym riskam v sovremennoi Rossii. [*Sociocultural adaptation of Russian youth to social risks in modern Russia*]: Avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04: Krasnodar, 2007. [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi sait Krasnodarskogo universiteta MVD RF. URL: <http://www.krdu-mvd.ru/dissovet1273.html> (data obrashcheniya: 28.07.2014). (In Russ.).

Gotlib A. S. Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiyan: opyt sochetaniya kolichestvennoi i kachestvennoi metodologii v odnom otdel'no vziatom issledovanii. [*Socio-economic adaptation of the Russians: the experience of a combination of quantitative and qualitative methodologies in one particular study*]. J. Sotsiologiya: 4M. 2000. № 12. S. 5–24. (In Russ.).

Grebenuk O. V. Kul'turnaia obuslovlennost' rossiyskoi modeli adaptatsii k prirodno-antropogennym riskam. [*Cultural conditioning of the Russian model of adaptation to natural and man-made risks*]: dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.06: Rostov-na-Donu, 2004. [Elektronnyi resurs]. J. Biblioteka dissertatsii. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kulturnaja-obuslovlennost-rossijskoj-modeli-adaptacii-k-prirodno-antropogennym.html> (data obrashcheniya: 28.07.2014). (In Russ.).

Zubok Iu. A. Fenomen riska v sotsiologii. Opyt issledovaniya molodezhi. [*The phenomenon of risk in sociology. The experience of the youth*]. M.: «Mysl'», 2007. — 296 s. (In Russ.).

Kak liudi delaiut sebia. Obychnye rossiiane v neobychnykh obstoiatel'stvakh: kontseptual'noe osmyslenie vos'mi nabliudavshikhslia sluchaev. [*How do people make themselves. Ordinary Russians in unusual circumstances: Concept-trivial interpretation of observed eight*]. / pod obschch. red. V. A. Yadova, E. N. Danilovoi, K. Kleman. M.: Logos, 2010. — 388 s. (In Russ.).

Kozyreva P. M. Doverie i ego resursy v sovremennoi Rossii. [*Trust and its resources in modern Russia*]. M.: Institut sotsiologii RAN, 2011. — 172 s. (In Russ.).

Kozyreva P. M. Protsessy adaptatsii i evoliutsiia sotsial'nogo samochuvstviia rossiiian na rubezhe XX–XXI vekov. [*Processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX–XXI centuries*]. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 2004. — 320 s. (In Russ.).

Korel' L. V. Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki. [*Sociology adaptation: Theory, methodology and methods*]. / L. V. Korel'. Novosibirsk: Nauka, 2005. — 424 s. (In Russ.).

Mozgovaia A. V., Shlykova E. V., Kurochkina A. E. Riskogennaia gorodskaa sreda: adaptatsionnyi potentsial molodezhi. [*Risk-taking urban environment: the adaptation potential of youth*]. J. Risk: issledovaniia i sotsial'naia praktika / Otv. red. A. V. Mozgovaia. M.: Institut sotsiologii RAN, 2011. S. 73–90. (In Russ.).

Shlykova E. V. Bezopasnost' ili priemlemyi risk kak tsel' adaptatsii (na primere migrantov i prinimaiushchego naseleniia). [*Safety or acceptable risk as the target of adaptation (for example, migrants and the host population)*]. J. Risk: issledovaniia i sotsial'naia praktika / Otv. red. A. V. Mozgovaia. M.: Institut sotsiologii RAN, 2011. S. 59–72. (In Russ.).

Shcheblanova V. V. Dinamika riskov sovremennogo terrorizma. Saratov: Saratovskii gos. tekhn. un-t, 2010. — 259 s. (In Russ.).

Yadov V. A. Sotsial'nyi resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniia universal'noi metodologii issledovaniia real'nogo rassloeniia v rossiiskom obshchestve. [*Social resources of individuals and groups as their capital: the possibility of a universal methodology for the study of real bundle in Russian society*]. J. Kto i kuda stremitsia vesti Rossiiu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsessa / Pod obschch. red. T. I. Zaslavskoi. M.: MVShSEN, 2001. S. 310–319. (In Russ.).

Yanitsky O. N. Sotsiologiya riska. [*Sociology of risk*]. M.: Izdatel'stvo LVS, 2003. — 192 s. (In Russ.).

Yanitsky O. N. Ekokatastrofy: k probleme sotsial'noi reabilitatsii narushennykh ekosistem. [*Ekokatastrofy: the problem of rehabilitation of damaged ecosystems*]. J. Rossiya reformiruiushchaisya: Ezhegodnik-2011 / Otv. red. akademik RAN M. K. Gorshkov. — Vyp. 10. M., SPb.: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya, 2011. S. 404–420. (In Russ.).